

УДК 94(470+571+495)"1853/1854"

С. А. ПИНЧУК*

**ТАЙНАЯ МИССИЯ КАПИТАНА ХРИСОВЕРИ
(к истории освободительного движения греков
в период Восточной войны 1853–1856 гг.)**

В тексте “Восточной войны” А. М. Зайончковского мы находим мимолетное, но крайне любопытное упоминание о том, что “партия гетерии¹ хотела даже послать в Петербург особого делегата”². Фраза, на которую ссылался Зайончковский, содержалась в депеше русского поверенного в Афинах Персияни государственному канцлеру Нессельроде от 18 сентября 1853 г.³ В то же время в современной отечественной историографии превалирует точка зрения, что царское правительство предпочитало “уклоняться от прямых контактов с представителями освободительных организаций, которые “находили весьма холодный прием у царских генералов и дипломатов”⁴. Мы попытаемся разгадать эту научную и историческую загадку с элементами детектива, что позволит по-новому посмотреть на события Восточной войны, в том числе и на действия русского правительства по отношению к национально-освободительным движениям на Балканах.

Внешнеполитической разведкой и сбором информации о появлении подозрительных иностранцев в России занималась т. н. Первая экспедиция 3-го Отделения. Она фиксировала как донесения зарубежной агентуры, так и данные, поступающие от многочисленных карантинных постов и пограничной стражи. Именно в ГАРФ, в фонде III-го отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии (1826–1880) было найдено довольно любопытное дело “О восстании греков против Турции и о приверженности их к России” с подзаголовком “О приезжающих в С.-Петербург греческих офицерах: Хрисовери, Цанис, Пасхали и Петропулос”. Пометки “секретно” и “секретно, весьма нужное”, пестревшие на документе, свидетельствовали о том, какую важность представляла эта информация для чиновников политического сыска и военного министерства.⁵

Дело открывала служебная записка военного министра В. А. Долгорукова на имя начальника III-го Отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии графа А. Ф. Орлова. В ней шла речь о скорейшем “доставлении” в Санкт-Петербург прибывших в Одессу четырех греческих офицеров “с бумагами для представления его Ве-

* Пінчук Сергій Олександрович – історик.

личеству”. С “монаршим повелением” был ознакомлен и государственный канцлер К.В.Нессельроде. Выяснилось, что в самый канун нового 1854 г. русское судно под названием “Св.Дмитрий” пришвартовалось к Карантинному молу Одессы. Находившиеся на нем пассажиры, четыре грека, потребовали личной встречи с капитаном одесского порта. Через переводчика они объявили о том, что являются “офицерами греческой службы и депутатами греческого народа” и следуют в Санкт-Петербург для представления государю императору имеющихся у них бумаг. Исправлявший в то время должность Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора генерал от инфантерии П. И. Федоров предписал Одесскому карантину принять этих четырех офицеров “для выдержания установленного 14 дневного карантина и для очищения имеющихся у них бумаг и вещей” и не медля представил в Петербург на имя военного министра рапорт о прибывших в Россию греческих офицерах⁶. В рапорте были указаны имена этих офицеров: капитан Аристид Хрисовери, Яни Цанис, Лефторий Пасхали и Алако Петропулис. Причем первый из них, как особо было отмечено в рапорте, прибыл в Россию под чужим именем Анастасия Савы.⁷

Нарочный из Одессы настолько быстро доставил бумаги в Санкт-Петербург, что уже 9 января 1854 г. император Николай I приказал немедленно доставить “поименованных” греков в столицу, где “препроводить их в 3-ье отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии”⁸. Судя по реакции начальника штаба корпуса жандармов Л. В. Дубельта, в частности, его письму от 2 февраля 1854 г., адресованному военному министру с пометкой “секретно”, царь явно проявил заинтересованность к визиту таинственной делегации и просил ускорить приезд греков в столицу империи. “Сегодня государь-император изволил спрашивать меня, почему сии офицеры по ныне не прибыли в Санкт-Петербург?” – сообщал Дубельт. На следующий день, 3 февраля, он снова побеспокоил министра, доложив, что “ожидаемых здесь греческих офицеров” в дороге видели “некоторые лица”, ранее приехавшие в Петербург⁹. Горячий интерес к появлению неофициальных греческих гостей со стороны царя и его ближайших подчиненных вполне объясним: еще с осени 1853 г. высшим политическим и военным руководством Российской империи прорабатывались различные сценарии вовлечения балканских христиан в военные действия на Дунайском театре. “Страшным оружием” для турок должно было стать влияние России “на христианские племена в Турции” и создание ополчения из балканских славян. Такая мера, по словам царского фаворита, главнокомандующего на юго-западных границах России генерала-фельдмаршала И.Ф.Паскевича, “могла бы сделаться началом распада Турецкой империи”. Пользуясь своим исключительным влиянием на императора, он, как “отец-командир”, подал в 1853 г. Ни-

колаю I ряд докладных записок. В одной из них Паскевич недвусмысленно поставил вопрос: “Если это правда (т. е. что греки готовят восстание), то в случае серьезной наступательной войны против Турции, почему бы нам сим не воспользоваться? Почему не пригласить греков действовать с нами заодно и даже почему не обещать им каких-либо округляющих Грецию провинций? Греция от того сильнее не будет, а нам сие может быть полезно тем, что отвлечет горных пашей, которые в случае похода к Адрианополю были бы у нас во фланге, а потом и в тылу...”¹⁰ На основе кадровых войск придунайских княжеств Паскевич предполагал вооружить ополчение из балканских и дунайских христиан, чтобы использовать его во время активной фазы войны с Османской империей. “Выбрав затем из них болгар, сербов и греков, составить из них отдельные роты или команды и распустить за Дунаем прокламации, приглашая всех христиан...присоединиться к составившимся уже ополчениям болгар или сербов, или греков; объявив притом, что каждому явившемуся воину дано будет оружие, порох, провиант и деньги, платимые помесечно”¹¹. Россия же, по мнению престарелого фельдмаршала, получала существенную экономию средств, “сберегая русскую кровь”¹². Рассматривался вопрос и о том, как спровоцировать южных славян и греков на вооруженные выступления, что неминуемо должно было вызвать жесткую реакцию со стороны турок и повлечь за собой массовую резню христиан. “К тому ныне присовокупить должно, – с прагматичным цинизмом рассуждал Паскевич во “всеподданнейшей” записке на имя царя, – что чем сильнее возбужден будет фанатизм мусульман, тем легче побудить и христиан к вооружению, хотя бы для их собственного сохранения”¹³.

В более робких и обтекаемых формулировках о необходимости “возбудить восстание православных племен” сигнализировал царю и военному министру командующий русскими войсками в Придунайских княжествах князь М. Д. Горчаков¹⁴. Прибывшие к нему в Бухарест представители греческой диаспоры просили помощи для организации восстания, но даже сама мысль о восстании без соизволения на то самодержца и вопреки заранее проработанному плану “трех эпох” вызывала трепет у чиновника Горчакова. “Кажется, что подобного восстания, – писал он царю, – теперь поощрять еще рано, потому что вы изволите полагать, что время для воззвания от России к единоверным племенам должно последовать только в исходе будущего года. Притом, в настоящее время восстание этерии на юге – и против воли греческого правительства – могло бы иметь последствием занятие Греции или турками, или англичанами, или французами”¹⁵. Единственным человеком в правительстве, кто последовательно противился прямому вмешательству в греческие дела, был К. В. Нессельроде. В докладной записке на имя царя, касаясь ситуации в Греции и возможного образа действий в

связи с Восточным кризисом, он предлагал поддерживать революционный порыв греков только “определенными денежными жертвами”, а также направлением на Балканы неофициального агента с секретными инструкциями¹⁶.

Анализ переписки Николая I и его ближайших сподвижников, относящейся к 1853 г., убеждает в том, что большая часть военно-тактических планов тесно увязывалась с возникновением массовых волнений христиан в Османской порте и превентивными действиями. На нижнем Дунае планировался вспомогательный удар. Под эту сурдинку, стратеги-“революционеры” из Зимнего дворца, Варшавы и Бухареста собирались осуществить “дерзкий десант” на берега Босфора силами 13-й и 14-й дивизий. А от дальнейшего похода за Балканы из-за намерений Франции и Англии вступить в войну решено было отказаться. Маленькая “победоносная” война должна была привести к капитуляции Турции на выгодных для России условиях, установлению российского протектората над Дунайскими княжествами, упрочением ее экономических позиций на Черном и Средиземном морях, ослаблению внешнего социокультурного доминирования османов на Балканах. Царь вообще не собирался окончательно “ниспровергать Турецкую империю” и способствовать освобождению ее христианских подданных – греков, сербов и болгар. В лучшем случае им была уготовано полуавтономное существование. “Намерения императора в плане поддержания мира на Востоке не изменились... он желает сохранения Османской империи, заботясь в то же время о поддержании прав христиан и привилегий церкви”, – сообщалось в письме российского МИДа афинскому двору¹⁷. В то же время с военно-политической точки зрения давнее стремление угнетенных народов Османской империи к независимости являлось на тот момент действенным инструментом в борьбе против турок, особенно с учетом этнического и религиозного факторов. “До сих пор сербы бывали в войнах поддерживаемы только незначительными частями наших войск, – аргументировал свою позицию Паскевич, – ныне же, когда флотилия, осадная артиллерия и целый корпус войск будут их поддерживать, то не только Видин, но может быть взят и Белград, – и тогда сербы почувствуют возможность быть независимыми от ига турецкого”¹⁸. Согласен с этим был и царь, собственноручно подготовивший в начале ноября 1853 г. записку о предстоящей войне с Турцией. “Расположение сербов к нам дает мне надежду, – полагал Николай I, – что наше появление в крае сем их побудит приняться за оружие и стать с нами и, чем можно действия наши облегчить”¹⁹. Если сербы, по мнению русского командования, могли стать союзниками России в военных действиях, то к болгарам, которые “как негры привыкли к рабству” и были к тому же плохо вооружены, относились крайне скептически. Поэтому в Санкт-Петербурге с особо пристальным вниманием

следили за развитием ситуаций в Греции. Эта маленькая страна, расположенная в южной части Балканского полуострова, занимала важное стратегическое положение как плацдарм на пути в Малую Азию и Средиземноморье, а внешняя политика Греческого королевства в последние годы уверенно дрейфовала в сторону России. Масло в огонь подливали и донесения российских дипломатов из Афин, уверявших, что общество в этой стране “совершенно подготовлено к сильному и общему восстанию” и все надежды “на улучшение своей участи связывает с Россией”²⁰. Соответственно появление таинственной греческой делегации во главе с неким А. Хрисовери воспринималось как очередное подтверждение правильности внешнеполитического курса на подрыв изнутри, силами “пятой колонны”, территориальной целостности Османской империи.

4 февраля 1854г. греков наконец-таки доставили в Санкт-Петербург, где их разместили в Доме корпуса жандармов на набережной реки Мойки. В этот же день их везут в знаменитый дом у Цепного моста, по адресу известному каждому петербуржцу, где располагалась канцелярия III отделения. Здесь с ними проводят первый подробный опрос. В качестве переводчика выступает коллежский секретарь Николай Ригана, также грек по происхождению, переводчик одесского таможенного портового карантин, приехавший вместе с греческими офицерами.²¹ К слову сказать, Ригана одновременно являлся давним штатным осведомителем III-го отделения и в дороге присматривал за греками. Общался с греками через переводчика сам Л. В. Дубельт. Часть беседы шла на французском, так как в конце опросного листа Дубельт сделал примечание от руки: “Хрисовери говорит немного по-французски”.²² В своем дневнике, в котором он фиксировал важнейшие, по его мнению, события, Дубельт также сделал следующую запись, коверкая на свой лад греческие фамилии: “Февраль 4... Приехали из Греции четыре греческие офицера Хрисоварни, Цамис, Пасхали и Петропуло предложить нашему Государю услуги их войск. Его Величество повелел поместить и прилично содержать их в 3-м отделении Собственной Его Величества канцелярии”.²³ В опросном листе Аристид Хрисовери обозначил цель своей поездки – передача “посылки к его величеству императору все-российскому” и получение, “буде возможность, высочайшие по этому повелению”. По его словам, он прибыл в Петербург не “по собственному желанию”, а “по назначению народного греческого общества, именуемого союз “Фрако-булгаро-сербов”. Хрисовери изложил краткие сведения о себе и своих спутниках: Яни Цани, Алеко Петропуло и Елефтерии Пасхали, представителях того же “тайного общества”. Двое из них, как указал Хрисовери, были родом из “Фрако-Болгарии”, а третий “из Румелии”. Всего же, как указывал Хрисовери, за ним последовало 8 офицеров. Все они, как и он, дезертировали из греческой армии и не

имели на руках надлежащих документов для выезда за границу. Повышенная секретность их миссии была обусловлена желанием избежать дипломатического скандала в наэлектризованной атмосфере Греции, которая, по словам Хрисовери, постоянно “колеблется иностранною политикой”. 7 февраля 1854г. в 10 часов утра уже сам Алексей Орлов, старый фаворит Николая I, шеф жандармов и родной брат декабриста, допрашивал Хрисовери. Видимо, Хрисовери понимал, что личной встречи с царем он может так и не дожидаться, поэтому передал через приближенного к царю графа Орлова прошение от “Булгаро-сербского братства”, а также знамя и кубок для сына императора великого Князя Константина Николаевича²⁴. Как явствует из бумаг, замысел греков заключался в том, чтобы восстановить Византийскую империю, возведя на престол сына российского императора, формального являющегося главой греко-российской церкви и признававшегося простыми греками в качестве духовного лидера. Кроме того, по мнению греческих “делегатов”, согласие Николая I, чтобы его сын, носящий имя последнего императора Византии, возглавил новое движение, придало бы мощный импульс предстоящему восстанию в оккупированных греческих и славянских провинциях, способствовало объединению балканских христиан под эгидой российской короны. Надо отметить, что в тот период идеи о воссоздании Византийской империи широко распространились в греческом обществе, особенно в преддверии 400-летней годовщины падения Константинополя: печатались многочисленные статьи и эссе, распространялись “пророческие” книги блаженного Агафангела и других православных святых, в которых предсказывалось якобы близящееся возрождение Византии с помощью русских.²⁵ Кстати говоря, такими же настроениями была проникнута и книга самого Хрисовери “Греческая революция”, опубликованная в 1853 г. Ее автор, находясь под сильным влиянием текущих политических событий, искренне верил, что “греческий народ просто обязан стать союзником для мира по всему миру, возрожденная Византийская империя – залог этого”²⁶. Да и большинство греков середины XIX столетия, “подобно их отцам в канун революции 1821 г., осуществление своего национального идеала связывало с политикой России. Мощный толчок этим надеждам дала начавшаяся в 1853 г. новая русско-турецкая война”²⁷.

Пришло время открыть тайну личности главы греческих “делегатов”, капитана Аристида Хрисовери, скрывавшегося под псевдонимом Анастасия Савы. Архивные документы и публикации того периода позволяют нам составить более или менее цельный портрет этого незаурядного и деятельного человека, отчасти авантюриста и романтика. Он родился в 1809 г. в старинном фракийском городе Месемврия, детство и юность провел в России, в Одессе, где обучался в знаменитом Греческом коммерческом училище. В 1826 г., получив документы о не-

завершеном образовании, Хрисовери выехал на Балканы и как частное лицо принял участие в борьбе греков против правления османов в партизанском отряде в провинции Этолия. После провозглашения независимости Греции был принят на военную службу. Известно, что в 1831 г. он числился старшиной в первом пехотном батальоне, расквартированном в Навплионе²⁸. В 1833 г., пройдя переаттестацию, он сдал экзамен и получил вакантную должность младшего офицера. В 1835 г. А. Хрисовери был осужден по обвинению в покушении на убийство своей невесты. В тюрьме он занимался переводами античных авторов и написал философское эссе о злочлечениях осужденных. В начале 40-х гг. в его биографии происходят кардинальные перемены. Благодаря протекции влиятельного греческого политика и главы так называемой “французской партии”, сторонником которой являлся и сам Хрисовери, Иоанниса Колеттисам, он был помилован королем. В течение непродолжительного времени, Хрисовери даже являлся личным адъютантом Колеттиса, ставшего к тому времени премьер-министром Греции²⁹. Из-за активного участия в общественной жизни и публикации статей в афинской прессе Хрисовери был переведен из 1 тетрархии Королевской фаланги в 3-й батальон пограничной стражи-орофилаков в южную Фессалию³⁰. В 1846 г. (по другим данным в 1843г.) вместе с известным греческим политиком, генералом Хаджи-Христо Даговичем учредил общественно-политическое движение “Фрако-Булгаро-Сербский союз” (в зарубежной историографии его называют “комитетом”). Эта организация, которую, используя современную терминологию, можно назвать “правозащитной”, отстаивала гражданские права иностранцев (“гетерохтонов”), рожденных за пределами Греции. “Фрако-болгаро-сербский союз” тесно координировал свою деятельность с повстанческими организациями болгар, сербов и других поработанных турками балканских народов. В 1849 г. Хрисовери уже самостоятельно основал еще одно тайное общество – “Братство благовещенных” (“Братство благих вестников”), структура которого напоминала одно из первых революционных обществ “Филики Этерио”. Целями “братства” было освобождение исконно греческих земель от турецкого правления, “почетное и славное возвращение” эллинизма, создание федералистского государства христиан на Балканах под эгидой греков. В рамках “Братства благовещенных” А. Хрисовери в феврале 1851 г. также учредил специальную военную организацию “Батальон бессмертных”, предназначенную для проведения диверсионных акций против турецких властей на оккупированных греческих территориях³¹.

Детальное изучение и анализ документов, связанных с переговорами А. Хрисовери в Санкт-Петербурге, оставляют двойственное ощущение – блефа, неоправданных надежд и несколько наивных представлений А. Хрисовери о природе петербургского двора. Ему приходилось

тщательно скрывать и ретушировать декларируемые им политические идеалы, выпячивая на первый план православие и верноподданные монархические чувства, что было востребовано текущей политической конъюнктурой. Хрисовери предпочел умолчать о существовании и целях “Братства благовещенных” и тем более “Батальона бессмертных”, заявив только о своей роли и принадлежности к официально одобренному “Фрако-болгаро-сербскому союзу”. Он ни словом не обмолвился об идеях полугодичной давности, изложенных в его книге “Греческая революция”, изданной за полгода до его появления в России: о “продолжении греческой революции”, особом, отличном от западного и российского, пути греческого народа, для которого территориальные посягательства российской империи на Константинополь представляли очевидную угрозу³². Грезивший о возрождении Византии, Хрисовери так и не понял византийский дух или, как его называл Константин Леонтьев, “византийский кесаризм” реалий царствования Николая I, лукавство его чиновников, относившихся с большим подозрением ко всему, что могло быть связано с революционной тематикой и, наконец, мучительных колебаний, которые испытывал сам царь относительно своего дальнейшего курса на обострение конфронтации с западными державами.³³ В случае прямой поддержки Россией балканских христиан ставилась под сомнение лояльность миллионов славянских подданных австрийской империи Габсбургов, что создавало определенный прецедент и для подданных Романовых. Тот же Зайончковский отмечал “двойственность” подобной политики Николая I, чья приверженность принципам легитимизма подверглась серьезному испытанию в годы Крымской войны. Прекрасно зная, что угодно услышать самодержцу, опытный царедворец граф Орлов по результатам беседы с Хрисовери в своем рапорте на имя Николая I заключил: “намерения их довольно чистосердечны, но едва ли удобоприменительны: противны Вашим правилам. ...Люди добрые и искренние, но недельные и нельзя им почасти в вину их чистосердечную доброжелательность”.³⁴ В итоге царь, взвесив все “за” и “против”, из-за опасений, что это “политические затеи, а может быть и революционные”, не рискнул лично встречаться с греками.

Решение Петербурга не цепляться за проект Хрисовери было сочетанием сугубой прагматики и идеологической догмы. Прагматики, потому что в Зимнем дворце и на Фонтанке верно оценили перспективы греческого восстания в текущей ситуации. С января 1854 г., то есть с момента появления Хрисовери в России, международные дела, по замечанию царя, “приняли весьма решительный оборот”. “Война с Англией и Францией почти что объявлена”, поэтому вопрос о поддержке греческого восстания сам по себе отошел на второй план, выпав из числа приоритетов³⁵. Догмы, потому что в противном случае русскому пра-

вительству открыто пришлось бы встать на сторону восставшего народа, что противоречило коренным принципам николаевской политики. Николай, несмотря на некоторые сомнения Орлова (“как общие сведения о будущих греческих делах находятся в Министерстве иностранных дел, то дальнейших допросов, не благоугодно ли будет поручить тому министерству?” или “...не угодно ли будет передать все военному министру?”), поручил именно ему провести дальнейший зондаж для выяснения позиций греков: “Полагаю вернее все дело вести у тебя”. Зондаж не дал обнадеживающих результатов, и Орлов также охладел к “греческому проекту”. На докладной записке шефа жандармов царь карандашом наложил следующую примечательную резолюцию: “Намерения их могут быть чисты, но неисполнимы; дети мои рождены для службы своего отечества, в подобные же замыслы ни я, никто из них вступать не будем. Иное дело, ежели восстав против Турок, ожидают нашей помощи и покровительства; в оном не откажу, ибо помощь эта будет бескорыстна. Объяви им это, прибавя, что не только от одних них поступали ко мне подобные сведения, что я их не принимаю, а отвечаю всем одинако. Что сведения имею, что восстание началось, и что от них зависит, или воротиться через княжества или на Триест, в чем даю им полную свободу”.³⁶ Военному министру князю В. Долгорукову, который, очевидно, был склонен в какой-то мере поддержать проект А. Хрисовери, царь рекомендовал “не выпускать вздор”. Интенсивные переговоры с греками длились практически две недели – с 5 по 19 февраля 1854 г. За это время Хрисовери близко познакомился с целым рядом влиятельных российских чиновников и был, по его словам, “обласкан лицами, служащими Его Императорскому Величеству и удостоенный притом монаршего человеколюбия и благоволения”. Среди собеседников Хрисовери были военный министр В. А. Долгоруков, шеф жандармов, граф А. Ф. Орлов, его заместитель, начальник III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии Л. В. Дубельт, товарищ (заместитель) министра иностранных дел Л. Г. Сенявин³⁷, которому царь адресовал для проработки записку “Изложение Капитана Аристида Хрисоверги о политическом состоянии свободной Греции” и т. д. Этот факт полностью опровергает тезис, что царское правительство “уклонялось” от прямых контактов с представителями национально-освободительного движения.

Также отметим, что ответ царя, которого так настойчиво добивались греки, просившие передать им “копию с отеческого решения”, подвергся политической цензуре со стороны графа Орлова. Выждав почти неделю, он 15 февраля 1854 г. вычеркнул из царского ответа рискованные, по его мнению, фразы о “восстании против Турции” и про поддержку царя подобных планов греков. Эта редакция не ускользнула от бдительного внимания Л. В. Дубельта, отметившего на полях, что

исключенные из царского ответа фразы, зачеркнуты “по приказанию графа Орлова”. Только после корректировки текст послания был сообщен Хрисовери при очередной встрече с графом Орловым. А. Хрисовери, по-видимому, не ожидал благоприятного исхода своего прошения. Об этом свидетельствует тот факт, что он озвучил Орлову свой новый план: сбора нескольких сотен заговорщиков в Бессарабии, откуда он намеревался вторгнуться во Фракию. Осуществлять координацию деятельности повстанческих отрядов он собирался из Валахии, поэтому просил “...повеления к Новороссийскому и Бессарабскому генерал-губернатору, равно как и к его сиятельству, князю Горчакову, чтобы я, действуя по священной моей миссии и избегая самого малейшего повода нарушения внутреннего порядка, не встречал в этом препятствия со стороны начальства”³⁸. Кроме того, Хрисовери выразил скромную надежду, чтобы от правительства было назначено “доверенное лицо”, с которым бы он “мог бы своевременно и в случае надобности относиться по сему предприятию, для предоставления вашему сиятельству некоторых сведений самых верных и точных о ходе в Греции иностранной политики и о предложениях оной, что мне будет сообщено членами эллинского народного союза”³⁹. Хрисовери также заранее и спланировал свой будущий маршрут. Не рискнув воспользоваться портами Рени и Измаилом, где он мог бы быть подвергнут таможенному или пограничному досмотру, а информация о его появлении тотчас бы стала достоянием турецких агентов, он предпочел воспользоваться более безопасным сухопутным путем через Скуляны в Валахию, распределив своих соратников – двух офицеров оставил в Одессе, а одного взял с собой. Продолжить свое путешествие Хрисовери решил инкогнито под вымышленным именем Анастасия Саввы, под которым он прибыл в Россию.

На новые просьбы Хрисовери Орлов отреагировал уже как опытный бюрократ, предписав дальнейшую судьбу греческого проекта “на соизволение кн. Горчакова служить в тех войсках, которые там формируют”⁴⁰. Когда к середине марта 1854 г. Хрисовери все же доехал до придунайских княжеств, восстание греков в турецких пашалыках было в самом разгаре. В Эпире и Фессалии шли ожесточенные бои и новости об “инсургентах” занимали первые полосы европейской и российской прессы. Даже находясь в Валахии, Хрисовери умудрялся поддерживать связь с заговорщиками из Афин. Вся корреспонденция, стекавшаяся к нему, поступала через греческий порт Сира. Это была самая разнообразная информация: о настроениях в греческом обществе, общей политической ситуации в стране, действиях восставших, передвижениях англо-французской эскадры в греческих водах. Хрисовери тщательно информировал о содержании этих писем Орлова, пересылая ему переводы своей корреспонденции вплоть до лета 1854 г. Сегодня, спустя

почти 170 лет, сложно делать выводы относительно побудительных мотивов, которыми руководствовался Хрисовери, начиная переписку с всесильным шефом тайной полиции. Вряд ли стоит записывать капитана в число банальных осведомителей или тайных агентов царской охранки. Более того, перед отъездом из Санкт-Петербурга он взбунтовался, узнав, что им назначен сопровождающий в лице жандармского офицера Ланга, который, будучи в изрядном подпитии, сам выболтал грекам цель своего назначения. Коммуникации в равной степени нужны были обоим: Хрисовери нуждался в поддержке и покровительстве Орлова, а последнему была нужна точная и проверенная информация. И Орлов, и Дубельт были прекрасно осведомлены, что главнокомандующий 3-го, 4-го и 5-го пехотных корпусов, действовавших на Дунае, М. Д. Горчаков не располагал надежными источниками информации, через “которых можно бы знать, что делается на правом берегу Дуная”, и не раз сетовали на “низкое” качество его агентов⁴¹. Знали об этом и турки, чья разведывательная сеть была более “эффективной благодаря сотрудничеству, как валахов, так и европейских купцов и дипломатических агентов в Дунайских княжествах”.⁴² Можно также предположить, что, поступая подобным образом, Хрисовери надеялся склонить графа Орлова и через него, возможно, и царя, к поддержке собственного плана греческого восстания в Восточной Фракии. “Греческое войско состоять будет из 20-ти тысяч человек... особенно по получению известий о проходе русских за Дунай порыв их усилился, и они даже не хотят допустить, чтобы их братья русские сражались за православие”, – писал анонимный корреспондент Хрисовери в письме из Сиры 25 марта 1854 г. В другом письме от 1 апреля 1854 г. он делал акцент на том, что успех восстания уже близок, оно приняло масштабный и неотвратимый характер: “...восставшие в Эпире и Фессалии христиане везде побеждают турков. До пяти тысяч греков из Мореи идут на помощь восставшим, и объявлено, что настоящее восстание продолжение 1821 г, и так: да здравствует Православие!”⁴³. Хрисовери, разумеется, не подозревал о наличии секретной переписки между Горчаковым и Орловым и о том, каким образом сановники интерпретировали решения царя. Свой визит в Санкт-Петербург и уклончивый ответ Николая I он воспринял как несомненное одобрение собственных замыслов, искренне поверив в особое отношение к себе со стороны высших российских вельмож. В своих мемуарах, написанных спустя почти четверть века, он без тени сомнения вспоминал, что прибыл в Галац “как командир”, назначенный “приказом” министра военных дел, в то время как на самом деле его судьба всецело зависела от “соизволения” князя Горчакова⁴⁴.

Подчеркнем, что в то самое время, когда Хрисовери и его товарищи появились в России, другие младшие офицеры греческой службы,

лейтенанты и капитаны, направлялись в качестве эмиссаров в хорошо знакомые им турецкие провинции. Так, в январе 1854 г. Спиридон Караискакис, сын героя войны за независимость Греции Георгиоса Караискакиса, служивший как и Хрисовери лейтенантом пограничной службы в 9 батальоне пограничной стражи, появляется в Эпире⁴⁵. 30 января 1854 г. Караискакис из “общего эллинского лагеря в Арте” распространил воззвание, в котором кроме общих фраз о начале “второй греко-турецкой войны”, направленной на полное освобождение “родины отцов”, он писал: “Эпир и Фессалия в бурном движении; Македония колеблется, Фракия выжидает; независимая Эллада пышет пламенем и шлет вам на помощь своих героев”⁴⁶. Обратим внимание на многозначительное упоминание в тексте Караискакиса о Фракии и Македонии. В январе и даже в начале февраля 1854 года ничто не предвещало начало восстания в этих провинциях, которые, в отличие от Эпира, не подвергались чрезмерному административному и экономическому гнету со стороны турецких властей. Восстание в западной Фессалии вспыхнуло к концу февраля, а Каратассос только 16 апреля 1854 г. вместе с 500 солдатами высадился в Халкидике⁴⁷.

Возникает вполне резонный вопрос, каким образом Караискакис мог заранее знать о событиях, которые через пару-тройку месяцев буквально взорвут ситуацию в этих относительно спокойных пашалыках Османской империи, если он действовал автономно, на свой страх и риск? Анализ вышеприведенных фактов, собственные исследования и рассуждения автора настоящей статьи позволяют выдвинуть рабочую гипотезу о подготовке тайными национально-освободительными организациями почвы для более масштабного восстания на Балканах. Их действия носили отнюдь не спонтанный характер, как нередко утверждается в исторической литературе, а были хорошо спланированы и синхронизированы по времени (например, в работе Барбары Елавич говорится о том, что восстание в Эпире, Фессалии и Македонии “было спонтанным”).⁴⁸ Обратим внимание на тот факт, что сбор денег через так называемые революционные комитеты начался заблаговременно – с лета 1853 г., с момента публикации манифеста о занятии Россией придунайских княжеств, то есть за полгода до предстоящего восстания⁴⁹. “Значительные суммы собраны богатыми греками в разных частях света, и замышленное восстание подготовлено людьми твердыми и искусными, решившимися посвятить свою жизнь народному делу”⁵⁰. Сбор средств осуществлялся не только в греческом королевстве, “но на Занте, Кефалонии, даже на Корфу, на Самосе – учреждены для каждой провинции в Эпире, в Фессалии, Македонии, даже Фракии комитеты, в которых сходятся опытнейшие полководцы, значительнейшие и богатейшие старшины для совещаний и распоряжений”, причем особо крупную помощь оказывали греческие торговые дома, расположенные

в Триесте и в Англии⁵¹. Греки, жившие в Лондоне собрали по подписке в один день 25,000 фунтов стерлингов, в Сире подписка позволила собрать 20,000 фунтов стерлингов, а сбор пожертвований в плодородной Пелопоннеской области принес до 40,000 драхм.⁵² К зиме 1853–1854 гг. в банк “для содействия восстанию” было внесено 2 миллиона драхм. Английское правительство через свои консульства на Балканах и агентурную сеть также располагало информацией о заговоре и готовящейся попытке мятежа в турецких провинциях.⁵³ Во время парламентских слушаний 6 апреля 1854 года глава Палаты общин лорд Джон Рассел подчеркнул, что “дипломатические документы, которые были получены нами, обстоятельны и имеют достаточно доказательств того, что восстание в турецкой провинции, граничащих с Грецией не было спонтанным взрывом”.⁵⁴ “Составлены комитеты из наших собратьев, из коих каждый собрал уже и отправил на поле сражений (людей)”, – сообщал весной 1854 году корреспондент из Афин, по видимому, член “Братства благовещенных” Аристиду Хрисовери⁵⁵.

Греческое восстание в 1854 году охватило три региона – Эпир, Фессалию и Македонию, отделенных друг от друга горными хребтами.⁵⁶ Это, на первый взгляд, не позволяет четко обрисовать общую для всех трех секторов схему организации и управления повстанческими отрядами. С другой стороны, в действиях греческих повстанцев прослеживалась определенная стратегия. На первом этапе в регион, в котором заговорщики намеревались поднять восстание, с деньгами и прокламациями направлялись эмиссары, члены тайных революционных организаций. Как правило, они являлись местными уроженцами: “...большинство предводителей, достигших освобождения одной части греков и учреждения нового королевства, эмигрировали в Афины, оставив родственников и друзей своих под турецким владычеством и, когда вспыхнула нынешняя война между Россией и Турцией, многие греческие офицеры, подданные короля Оттона, подали в отставку, и ушли поддерживать восставших братьев своих”.⁵⁷ Так, эпириот Каракисакис был направлен в Арту для организации там восстания. Сын арматола, предводителя греческого вооруженного отряда, подвластного туркам, из Южной Македонии Димитрис Каратассос, более известный под своим уменьшительным именем Цамис,⁵⁸ высадился на полуострове Халкидики, где попытался пройти с маршем по направлению к Фессалоникам. Уроженец Трикалы Хаджипетрос⁵⁹ открыл очередной фронт борьбы с турками в Фессалии, а фракиец Аристид Хрисовери планировал “вторгнуться чрез Фрако-Булгарию”, чтобы соединиться с другими отрядами восставших в южной Фракии для “первого шага”. Последующие шаги, как нам представляется, предполагали увязку партизанских действий с быстрым продвижением русской армии вглубь турецкой территории, как это произошло в предыдущую русско-турец-

кую войну в 1829 г. О правильности этой гипотезы свидетельствует и тот факт, что очаги восстания вспыхнули в регионах, где остались весьма малочисленные турецкие гарнизоны, в то время как основная и боеспособная часть турецких войск (Дунайская армия Омера-паши, насчитывающая 120–130 тыс. чел.) была стянута к Дунаю. Мы можем также предположить, что на начальном этапе действия повстанцев координировались греческим генералитетом из Афин, чей стратегический замысел заключался в том, чтобы заставить турок вести боевые действия сразу на двух фронтах: на Западе, в труднодоступных Артских горах и на Востоке, в горах Пинда, откуда открывался прямой проход к долинам Фессалии и Фракии, в надежде на поддержку русских пехотных корпусов, которые к этому времени вполне могли форсировать Дунай, как это произошло в ходе русско-турецкой войны 1828–1829 гг.⁶⁰ Кроме того, эти горные области служили оплотом антитурецких восстаний еще со времен греческой революции 1821 г., позволяя партизанским отрядам маневрировать, менять дислокацию, а проведение войсковых операций турками в подобных условиях чаще всего было неэффективным. На помощь русской армии рассчитывали и руководители революционных комитетов в Валахии и Молдавии, собиравшие отряды греческих добровольцев на Дунае, чтобы “...действовать в помощь Эпиру, Фессалии и Македонии – своим воюющим соплеменникам”.⁶¹ “Поймите всю величину сегодняшних политических событий, – убеждал еще в августе 1853 г. Иоаннис Влассопулос, один из руководителей “Центрального комитета” в Яссах, своего соратника из Бухареста Левендиса, – времени лучше, чем сейчас грекам никогда не представится, для того чтобы осуществить эту великую идею”.⁶² Влассопулос считал, что греки “не должны предавать святыне интересы нашей горячо любимой Родины, ожидая, что по окончании войны нам выдадут кусочек земли наших предков, а нужно обнажить меч нашей революции с пятнами крови и показать защитникам варваризма и абсолютизма, что вместе с нашими русскими братьями мы решим этот великий Восточный вопрос, возвысив флаг с крестом над минаретами Святой Софии”.⁶³

Во время нахождения Хрисовери в Санкт-Петербург его соратники по “Братству благовещенных” активизировали свою деятельность в Греции. Об этом мы можем судить лишь по косвенным признакам, прежде всего по публикациям в греческой и иностранной печати. В этом плане весьма примечательно донесение главы английского правительства Ионических островов, который получил от своих агентов, “обозревающих Эпир, Албанию, Фессалию и Македонию”, информацию о “весьма важном” заговоре греков. “Кроме обыкновенных гетерий составилось под названием Братства, тайное общество, цель которого не только восстановить Византийскую империю, но и возмутить Ионические острова для присоединения их к Греции”, – сообщалось в

корреспонденции бельгийской газеты L'Independance Belge от 8 марта 1854 г.⁶⁴ Среди членов “Братства благовещенных”, тайной организации, учрежденной А. Хрисовери, было трое уроженцев Ионических островов, в том числе один из видных организаторов восстания против англичан в 1848 г. – Георгиос Иоанну Метаксас из Кефалонии, а в греческом восстании 1854 г. приняли участие отряды, прибывшие с Ионических островов, под командованием В.Минотоса, Д.Драгонаса и Н.Доменегиниса.⁶⁵ Другой член “Братства”, профессор философии Афинского университета Неофит Вамвас, развернул агитационную работу среди греческой интеллигенции и студентов⁶⁶. 9 февраля в Афинах, в то время, когда А. Хрисовери был уже на переговорах в Петербурге, он распространил воззвание, в котором призывал всех молодых людей “взяться за оружие”. Его первая статья, опубликованная в газете “Эон” 27 января 1854 г., заканчивалась фразой: “Объедини, Господь, навсегда греков и укрепи Николая Великого, да прославится имя твое во всем мире”. Во второй, уже февральской, статье Вамваса говорилось следующее: “Разразилась вторая война за веру и свободу всей греческой нации, поднято знамя святого Креста, на котором начертано: “Свобода или Смерть”... Свобода и вера хотят обвенчать нашу борьбу с греческой империей. Господь справедлив!”⁶⁷ Из-за давления правительства, опасавшегося негативной реакции со стороны западных посольств, Н.Вамвас был вынужден подать в отставку, “которую он тотчас же и получил”.⁶⁸ Пропагандистская деятельность Вамваса и его коллег принесла свои плоды: 4 (16) февраля 1854 г. “...до 300 студентов Афинского университета, уроженцев турецко-христианских областей, уволились...и, получив благословение от афинского епископа, в полночь отправились из Афин, на судах в Воло и Фессалоники”⁶⁹.

В переломные для Греции 1853–1854 гг. Хрисовери и его соратники рассчитывали, что в противостоянии России и Западной Европы греки смогут реализовать свои планы по воссоединению под эгидой и военной поддержке царских войск. После того, как русская армия была вынуждена покинуть Дунайские княжества, балканский фронт России в этой войне перестал существовать. Как свидетельствует исторический опыт, именно этот театр военных действий “был всегда опорой освободительных выступлений балканских народов, да и важнейшим фактором осуществления их чаяний”⁷⁰. Греческие добровольцы, в рядах которых было много представителей революционных организаций, сражались на стороне России на Дунае и в Крыму во время героической осады Севастополя. В их числе был Аристид Хрисовери и его товарищи. Об этом прямо говорится в справке III отделения, подготовленной в ноябре 1865 г.: “... “известно, что он состоял в Греческом легионе и ознаменовал себя храбростью в военных действиях”⁷¹.

¹ Согласно энциклопедическому словарю Ф. Брокгауза и И. Ефрона, “гетерией” (от греч. *ἑταῖριαι* – союз, товарищество) в новейшей греческой истории назывались две политические организации, сыгравшие большую роль в борьбе греков за освобождение от турецкого ига // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Том VIIIА (16). Германия – Го, СПб., 1893, С. 598–599.

² *Зайончковский А. М.* Восточная война 1853–1856 гг.: Том II. Часть 1. – СПб., 1913. – С. 639–640.

³ Персиани – канцлеру 18 сентября 1853 г. Архив Мин. иностр. дел, 1853 г., карт. А. // Там же; Иван Эммануилович Персиани, русский посланник в Афинах с 11.11.1843 по 09.01.1857.

⁴ Международные отношения на Балканах. 1830–1856 гг. , Академия наук СССР. Институт славяноведения и балканистики. – М.: “Наука”, 1990. – С. 289.

⁵ “О восстании греков против Турции и о приверженности их к России” // ГАРФ, ф. 109, оп. 29, д. 21, ч. 1., л. 1–3.

⁶ Федоров П. И. (1791–1855) – генерал от инфантерии, Николаевский, Севастопольский и Бессарабский военный губернатор, сенатор. В отсутствие Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора четыре раза временно исправлял его должность, в том числе с 1845 по 1854 гг. // Макидонов А. В. К светской и церковной истории Новороссии (XVIII–XIX вв.). – Запорожье, 2008. – С. 13.

⁷ ГАРФ, ф. 109, оп. 29, д. 21, ч. 1. Там же.

⁸ ГАРФ, ф. 109, оп. 29, д. 21, ч. 1, л. 3–4.

⁹ Там же.

¹⁰ Глава XI. План кампании на 1854 год. Мысли об освобождении балканских христиан // *Зайончковский А. М.* Восточная война 1853–1856 гг. – Том II. – Ч. 1. – СПб., 1913. – С. 628–629.

¹¹ Всеподданейшая записка князя Варшавского, представленная государю императору в Варшаве 11 сентября 1853 года // А. М. *Зайончковский.* Восточная война 1853–1856гг. – Т. II. – СПб., 1912. – Приложение № 40. – С. 102–103.

¹² Письмо кн. Паскевича – императору Николаю Павловичу. Варшава – 14 ноября 1853 // Война России с Турцией в 1838–1854 гг. планы и предначертания о войне; донесения и записки кн. Паскевича и кн. М. Д. Горчакова. Русская старина. – Том XVII. – 1876. – Выпуски 9–12. – С. 145–146.

¹³ Всеподданейшая записка князя Варшавского, представленная государю императору в Варшаве 11 сентября 1853 года // А. М. *Зайончковский.* Восточная война 1853–1856 гг. Т. II. – Спб., 1912. – Приложение № 40. – С. 103.

¹⁴ Предположение кн. М. Д. Горчакова о военных действиях в Европейской Турции в 1854 году // Война России с Турцией в 1838–1854 гг. планы и предначертания о войне; донесения и записки кн. Паскевича и кн. М. Д. Горчакова. Русская старина. Том XVII. 1876. Выпуски 9–12. – С. 151–154; *Петров А. Н.* Война России с Турцией. Дунайская кампания 1853 и 1854 гг. – Том II. – СПб., 1890. – С. 63.

¹⁵ Донесение кн. М. Д. Горчакова – императору Николаю Павловичу // Война России с Турцией в 1838–1854 гг. планы и предначертания о войне; донесения и записки кн. Паскевича и кн. М. Д. Горчакова. Русская старина. – Том XVII. – 1876. – Выпуски 9–12. – С. 162–163.

¹⁶ Докладная записка К. В. Нессельроде Николаю I от 10(22) ноябр. 1853 г. // АВПР, ф. Главный архив, д. 29, л. 69–70.

¹⁷ *Jomini A.* “Etude diplomatique sur la guerre de Crimée, 1852–1856, par un ancien diplomate”. – Paris, 1874. – 478 p.

¹⁸ Всеподданейшая записка князя Варшавского от 14 926) ноября 1853г. // *Зайончковский А. М.* Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. – Т. II. – СПб., 1912. – Приложение № 128. – С. 277–279.

¹⁹ Собственноручная записка Императора Николая I о войне с Турцией // *Зайончковский А. М.* Восточная война 1853–1856гг. – Т. II. – СПб., 1912. – Приложение № 127. – С. 275.

²⁰ И. Э. Персияни – К. В. Несесельроде 4(16) дек.1853 г. // АВПР, ф. Канцелярия. 1853, д. 1, л. 482; *Зайончковский А. М.* Восточная война 1853–1856 гг. – Том II. – Часть 2. – СПб., 1913. – С. 639.

²¹ Николай Антонович Ригана еще с середины 40-х гг. XIX века числился среди четырех штатных чиновников-переводчиков при Одесском карантинном порте. Отметим, что трое из них, включая сына первого настоятеля Греческого Свято-Троицкого собора колл.асс. Константина Родеуса, были греками;

²² “О восстании греков против Турции и о приверженности их к России”. Часть 1-я. “О приезжавших в С. Петербург греческих офицерах Хрисоверди, Цанис, Пасхали и Петропулос” // ГАРФ, ф. 109, оп. 29, д. 21, ч. 1, л. 9.

²³ *Дубельт Л. В.* Дневник 1851 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. – М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, [Т.] VI., 1995. – С. 237.

²⁴ ГАРФ, ф. 109, оп. 29, д. 21, л. 10–11.

²⁵ Δημήτριος, Καραμπερόπουλος, “Ηταν τελικά ο Ρήγας εκδότης του “Αγαθάγγελου”. Εκδοση Επιστημονικής Εταιρείας Μελέτης Φεράων-Βελεστίνου-Ρήγα. Αθήνα 2009, σελ. 7–10.

²⁶ Χρυσοβέργης, Αριστείδης. Η Ελληνική Επανάσταση /Βιβλίο συνταχθέν υπό Αριστείδου Χρυσοβέργη υπολοχαγού. Εν Ερμούπολει Σύρου: Τύποις Γεωργίου Μελισταγούς Μακεδόνος, 1853, σελ 62–63.

²⁷ Международные отношения на Балканах. 1830–1856 гг. М.: “Наука”, 1990. – С. 284.

²⁸ Αριστείδης Χρυσοβέργης προς Ιωάννη Καποδίστρια, Ναύπλιο 18.5.1831 Πρωτότυπο Σχετ. 37; 241, 248, 257 ΓΑΚ 39.

²⁹ Αριστείδης Χρυσοβέργης προς Ιωάννη Κωλέττη. Ακαδημία Αθηνών~Αρχαιακή συλλογή ΚΕΙΝΕ~Αρχείο Κωλέττη~Αρχείο Ιωάννη Κωλέττη (Τμήμα Ιδρύματος Τοσίτσα)~079~0539.

³⁰ Βασίλειος Σφυρόερας. “Η “Αδελφότης των Ευαγγελιζομένων”, μυστική επαναστατική οργάνωση του 1849”, Επιστημονική Επετηρίδα Φιλοσοφικής Σχολής Πανεπιστημίου Αθηνών, 1972-1973, σελ. 215–216.

³¹ Βασίλειος Σφυρόερας. “Η “Αδελφότης των Ευαγγελιζομένων”, μυστική επαναστατική οργάνωση του 1849”, Επιστημονική Επετηρίδα Φιλοσοφικής Σχολής Πανεπιστημίου Αθηνών, 1972-1973, σελ. 211–213.

³² Χρυσοβέργης, Αριστείδης. Η Ελληνική Επανάσταση /Βιβλίο συνταχθέν υπό Αριστείδου Χρυσοβέργη υπολοχαγού. Εν Ερμούπολει Σύρου :Τύποις Γεωργίου Μελισταγούς Μακεδόνος, 1853, σ. 84.

³³ Согласно К. Леонтьеву, российскому византизму оказался присущ, во-первых, всеобъемлющий характер, позволивший ему проникнуть во все поры великорусского общественного организма, и, во-вторых, способность системы византийских идей упорядочить, организовать “славянский материал” и придать ему определенную цивилизованную оформленность. В своей работе “Византизм и славянство” (1875) он определил византизм как “прочный синтез монархизма с жесткой иерархией сословий, как сочетание православия с несокрушимой пре-

данностью традициям, как единство духа общинности с началами консервативной стабильности”// Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. Великий спор. – М., 2001. – С. 27–45.

³⁴ ГАРФ, ф. 109, оп. 29, д. 21, ч. 1, л. 10.

³⁵ Император Николай князю Горчакову 1 февраля 1854 г. // *Зайончковский А. М.* Восточная война 1853–1856 гг. – Т. II. – СПб., 1912. – Приложение № 136. – С. 312.

³⁶ ГАРФ, ф. 109, оп. 29, д. 21, ч. 1, л. 14–15.

³⁷ Л. Г.Сенявин (1805–1862) – товарищ министра иностранных дел в 1850–1856 гг., сенатор, тайный советник. В 1841–48 гг. был директором Азиатского департамента *МИД*, в котором велась переписка по делам, “касающимся собственно до Азии, а также до областей турецких и Греции”. Сферой деятельности департамента являлись не только политические и торговые отношения с этими странами, но и вопросы, связанные с пребыванием в них российских подданных и пребыванием в России подданных азиатских стран, Турции и Греции, а также деятельность российских миссий и консульств в этих регионах.

³⁸ ГАРФ, ф. 109, оп. 29, д. 21, ч. 1, л. 29–30.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ “ДЕКАБРЬ 18. У князя Горчакова нет хороших агентов, через которых можно бы знать, что делается на правом берегу Дуная. Для этого он употребляет жителя Бухареста коллежского советника Маврова, способного к делам политическим, а не полицейским, и сверх того, по нашим известиям, Мавров человек не верный и скорее готов помогать туркам, нежели нам. Говорят, что не он агент князя Горчакова, а князь Горчаков его агент в пользу Порты” // Дубельт Л. В. Дневник 1851 г. Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. – М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, [Т.] VI., 1995. – С. 228.

⁴² *Тарле Е. В.* Крымская война. – М., 1950. – Т. 1. – С. 279–280; *Керемезли И.* Турецкая оборона на Дунайском театре военных действий (1853–1854) // *Русский сборник. Исследования по истории России.* – М.: Модест Колеров, 2009. – С. 275.

⁴³ ГАРФ, ф. 109, оп. 29, д. 21 ч.1, л. 84–84 об.

⁴⁴ Χρυσοβέργης, Αριστείδης. Ιστορία της ελληνικής λεγεώνος: ολίγα λέξεις περί του σώματος των εθελοντών Ελλήνων και μετά ταύτα ελληνική λεγεών αυτοκράτορος Νικολάου του Πρώτου, ιστορική διήγησις/ συνταχθείσα υπό του συνταγματάρχου του αυτοκρ. στρατού Αριστείδου Χρυσοβέργη. Εν Οδησσώ: 1882., σελ 1–2.

⁴⁵ Спиридон Караискакис (греч. Σπυρίδων Καραϊσκάκης, Каламос, Ионические острова 1826 – Афины 1899) – греческий генерал-майор и политик второй половины 19-го века. Родился в 1826 году на острове Каламос, бывшим тогда под британским контролем, где в целях безопасности находилась его семья. После воссоздания греческого государства, был послан в Мюнхен со стипендией короля Оттона и в 1842 году поступил в греческое офицерское училище. В своей военной карьере достиг звания генерал-майора. Во время Крымской войны принял участие в восстании 1854 года в Эпире.

⁴⁶ Русский инвалид. 1854, № 57.

⁴⁷ *James J. Reid.* Crisis of the Ottoman Empire: prelude to collapse 1839–1878, Franz Steiner Verlag, Stuttgart, 2000. P. 251–252.

⁴⁸ *Barbara Jelavich.* Russia’s Balkan Entanglements, 1806–1914. Cambridge University Press, 1991. – P. 137–138.

⁴⁹ Манифест от 14 июня 1853 г. *Зайончковский А. М.* Восточная война.. – СПб., 1912. – Т. II. – Приложение № 27. – С. 72.

⁵⁰ *The Future of Turkey*, *The Times*, February 18, 1854.

⁵¹ Северная Пчела, 1854г., № 56 и 57 и Сборник известий, относящихся до настоящей войны, издаваемый с высочайшего соизволения Н. Путиловым. – СПб., 1855. – Том I. – С. 371.

⁵² Одесский вестник, №30, 18 марта 1854.

⁵³ В этом плане весьма примечательно донесение главы английского правительства Ионических островов, который получил от своих агентов, “обозревающих Эпир, Албанию, Фессалию и Македонию”, информацию о “весьма важном” заговоре греков. “Кроме обыкновенных гетерий составилось под названием Братства, тайное общество, цель которого не только восстановить Византийскую империю, но и возмутить Ионические острова для присоединения их к Греции”, – сообщалось в корреспонденции бельгийской газеты *L’Independance Belge*, 8 mars 1854. Как мы помним, среди членов “Братства благовещенных”, учрежденным А. Хрисовери, было трое уроженцев Ионических островов, в том числе один из видных организаторов восстания против англичан в 1848 г. Георгиос Иоанну Метакас из Кефалонии. А идеи о воссоздании Византийской империи, как о цели новой греческой революции, были изложены в сочинении Хрисовери “Греческая революция”, опубликованном летом 1853г. Возможно информация о “Братстве” в бельгийском издании является косвенным указанием на активизацию деятельности “Братства благовещенных” в период 1853–1854 гг.

⁵⁴ “The diplomatic papers which had been received furnished ample proof that the insurrection in the Turkish provinces bordering on Greece was not a spontaneous outburst – that the part taken in it by Greek subjects was not taken by them spontaneously; that there was not in Greece any very strong sympathy upon the subject; but that the whole of the insurrection had been a contrivance of the Court of Greece – that it had been got up for the purpose of weakening the authority of the Sultan, then in alliance with the King of Greece; and that there was numerous proofs that the King and Queen of Greece had undisguised given the greatest encouragement to this insurrection in the Turkish provinces” // *Relations of Turkey and Greece*. – Question. HC. Deb. 06 April 1854 vol. 132, cc522–5 522.

⁵⁵ ГАРФ, ф. 109, оп. 29, д. 21, ч. 1, л. 84.

⁵⁶ Δημήτρης Φωτιάδης, *Η Έξωση του Όθωνα*, Πολιτικές και Λογοτεχνικές Εκδόσεις 1965, σελ. 228–241.

⁵⁷ Политический отдел. О восстании христиан на Востоке. Сборник известий, относящихся до настоящей войны, издаваемый с высочайшего соизволения Н. Путиловым. – СПб., 1855. – Т. I. – С. 389–390.

⁵⁸ Димитриос Теамис Карата́ссос (греч. Δημήτρης Τσάμης Καρατάσος; 1798, Иматия – 1861, Белград) – участник греческого освободительного движения XIX века. Сын Анастасиоса Каратассоса. Во время Греческой войны за независимость участвовал во многих сражениях вместе со своим отцом. Затем был адъютантом короля Оттона, наместником Аргоса. Возглавлял антитурецкие восстания в Македонии в 1841 и 1854 гг.

⁵⁹ Христодулос Хадзипетрос или Хаджипетрос (греч. Χριστόδουλος Χατζηπέτρος (Нерайдохори Трикала (ном) 1794 – Афины 1863) – известный участник Греческой войны за независимость 1821–1829 гг., генерал-майор армии Греческого королевства. Во время Крымской войны 60-летний Хадзипетрос возглавил экспедицию и восстание против осман в Фессалии. После поражения

восстания в июне 1854 г. ушёл на территорию Греческого королевства, где был встречен как герой приграничным населением;

⁶⁰ Большая часть греческого генералитета – Т. Гривас, К. Цавеллос, Χ. Хаджипетрос, Л. Заикос, включая министра военных дел, эпириота Μ. Спиροмилиоса, – присоединились к восставшим;

⁶¹ Νικόλαος Α', Αυτοκράτορας της Ρωσίας, 1796-1855. Απομνημονεύματα της Ελληνικής Φάλαγγος / Νικολάου Α' (αυτοκράτορος πασσών των Ρωσσιών), εκδοθέντα υπό Τριανταφύλλου Ι. Γκαλιούρη (Λημνίου). Εν Αθήναις : Εκ του Τυπογραφείου Νικήτα Πάσσαρη, σελ. 13.

⁶² Ράμφος, Κωνσταντίνος. Τα την Ελληνικήν Λεγεώνα του αυτοκράτορος Νικολάου Α' την κατά το 1853, εν Μολδοβλαχία συστηθείσαν αφορώντα / υπό Κ. Ράμφου. Εν Αθήναις : Εκ του Τυπογραφείου Δημητρίου Συλλιβριώτου, 1867, σελ. 5–6.

⁶³ Там же.

⁶⁴ L'Independance Belge, 8 mars, 1854.

⁶⁵ Στέφανος Π. Παπαγεωργίου, Απο το Γένος στο Έθνος 1821–1862, Αθήνα, 2004, σελ. 469.

⁶⁶ Νεόφυτος Βάμβας // Αν. Γούδας, Βίοι Παράλληλοι. – Τ.1 Κλήρος, Εν Αθήναις, 1869, σελ. 311.

⁶⁷ Стефанос Папулидос. Отношение греков к России в период Крымской войны (1853–1856 гг.) // Политические и общественные связи народов СССР и Греции. Академия наук. Балканские исследования. – Вып. 11. – С. 92.

⁶⁸ Политический отдел. О восстании христиан на Востоке. Сборник известий, относящихся до настоящей войны, издаваемый с высочайшего соизволения Н. Путиловым. – СПб., 1855. – Т. 1. – С. 372.

⁶⁹ Одесский вестник. № 21, 25 марта 1854 г., также Β. Σφυρόερας, “Η “Αδελφότης των Ευαγγελιζομένων”, μυστική επαναστατική Οργάνωσις του 1849”, Επιστημονική Επετηρίς της Φιλοσοφικής Σχολής του Πανεπιστημίου Αθηνών, τ. ΚΓ', 1972–1973, σ. 218, 230–231.

⁷⁰ Международные отношения на Балканах. 1830–1856 гг. – М.: “Наука”, 1990. – С. 290–291.

⁷¹ ГАРФ, ф. 109, оп. 29, д. 21, ч. 1, л. 99–100.